

Литература

1. Блондель Ж. Политическое лидерство // Психология и психоанализ власти. – Самара, 1999. – Т. 1. – С. 443–444.
2. Нечаев В. Д. Региональный миф в политической культуре современной России / В. Д. Нечаев. – М., 1999. – С. 44.
3. Кудряшова Е. В. Лидер и лидерство : исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли / Е. В. Кудряшова. – Архангельск, 1996. – 193 с.
4. Семенов Е. Е. Политические коммуникационные процессы современного мира : монография / Е. Е. Семенова. – Н. Новгород : НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 208 с.

ЛОСЬ В. А.

ЕВРАЗИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ДЛЯ РОССИИ XXI В.: ОТ ТЕОРИИ К РЕАЛЬНОСТИ

Противоречивость рассматривается как одна из фундаментальных характеристик русского национального самосознания, что обуславливается пограничным положением России между цивилизациями двух противоположных типов. Российское геополитическое пространство квалифицируется как Евразия (когда имеется в виду отчетливая взаимосвязь с западноевропейскими стереотипами), или Азиопа (когда акцентируется внимание на ориенталистских истоках российских социокультурных традиций).

В духовно-культурологическом контексте противоречивость российской ментальности отчетливо выражается в оппозиции «западничество–славянофильство», которая, начиная с эпохи Петра I, явилась источником национальной социокультурной конфликтности. Более того, эта оппозиция, «западники» («демократы») – «славянофилы» («патриоты»), с незначительными исторически-конъюнктурными изменениями сохранилась и в XXI в., оказывая существенное воздействие на общественные умонастроения, способствуя поляризации российского социума.

Весь XIX в. Россия, стремясь обрести национальную модель развития, балансировала между стратегиями западнического и славянофильского типов. При этом ранние славянофилы, с одной стороны, отмечали российские особенности духовного и социокультурного развития, а с другой – учитывали возможности адаптации западного опыта в специфических условиях России. Аналогично и ранние западники исходили из того, что при выборе стратегии развития нужно не только учитывать национальные особенности, но и реально оценивать западноевропейские ценности.

К концу XIX в. поздние славянофилы и западники не удержались в рамках взвешенной позиции своих исторических предшественников, возведя водораздел между российскими и западными мировоззренческими установками, абсолютизируя национальную модель развития. Утверждалось, что «славянская» и «западная» цивилизации находятся в состоянии имманентной конфликтности.

К началу XX в., в рамках празднования 300-летия дома Романовых, была подтверждена и закреплена формула российской модели развития (Православие. Самодержавие. Народность). В ее основе – позднеславянофильская идеология, рассматривающая глубокую религиозность, преданность престолу и сохранение национальных традиций как базисную стратегию России.

Евразийство, возникшее в 20–30-х гг. XX в., попыталось «вписать» славянофильские идеи в реальную советскую идеологию, связывая жесткость (и жестокость) авторитарного правления с «монгольским влиянием», противодействием «всемирной западноевропейской истории». Возрожденные во второй половине XX в. идеи евразийства стали основой трактовки пути России как балансирования между европейскими и азиатскими стереотипами.

Интерес к евразийству сохраняется и во второй декаде XXI в., ибо «новая Россия» по-прежнему озабочена поиском национальной модели развития.

На протяжении большей части XX в. советская модель развития при всей идеологической критике западных стереотипов пыталась именно их реализовать в процессе модернизации национальной социально-экономической системы. Для «советской России» (и «новой России») стремление к модернизации является имманентной исторической задачей, в реализации которой выделяется несколько основных этапов. А именно:

– «сталинский» период: модернизация всех сторон деятельности социума (индустриализация, коллективизация и культурная революция), опирающаяся на перенос в национальные условия западного передового научно-технологического опыта и заложившая основания «советской империи»;

– «хрущевский» период: попытка определенной либерализации хозяйственного механизма для повышения его эффективности в условиях расширяющейся «холодной войны» и гонки вооружений;

- «горбачевский» период: социальная перестройка как стремление к модернизации советской модели за счет ее демократизации, ускорения научно-технического развития;

- «ельцинский» период: «шоковая терапия» как механизм предельного разрушения советской экономической системы и формирования рыночных отношений западного типа;

- «путинский» период: инновационная модернизация, исходящая из баланса государственных и рыночных механизмов производственно-хозяйственной деятельности.

При всех очевидных различиях (исторических, концептуальных, социальных и т. п.) выделенных периодов модернизации для них характерны определенные общие элементы. Выделим лишь три из них.

Во-первых, преобладание модернизации «догоняющего» типа. В наибольшей степени это выражалось в рамках «хрущевского» периода («догнать и перегнать Америку»). Во-вторых, милитаристская направленность, характерная для преобладающей части советского периода модернизации. В-третьих, целенаправленная стратегия ее реализации, имеющая статус государственной политики.

Модернизация в условиях России начала XXI в. имеет свои особенности. Отметим некоторые из ее направлений.

1. Формирование инновационной инфраструктуры. В ее основе – экономика инновационного типа, базисный ресурс которой опирается на современный научно-информационный потенциал. Речь идет о создании механизмов управления модернизацией российской экономикой на основе инноваций.

Это предполагает:

- выход на лидирующий уровень не только в прикладных областях (нанотехнологии, авиакосмическая техника, атомная и водородная энергетика, рациональное природопользование и др.), но и в фундаментальных науках (теоретическая физика, эволюционная химия, математика и т. п.);

- повышение доли высокотехнологичного сектора и затрат на исследования и разработки;

- создание как новых научных центров (Сколково), так и повышение степени эффективности уже сложившихся региональных научных центров (Дубна, Троицк и др.);

- повышение степени экономической свободы.

2. Инновационная ориентация политической модели, включающая:

- государственное регулирование национальной экономики при активном подключении рыночных механизмов;

- общественную поддержку государственной инновационной политики и расширение демократических механизмов принятия решений;

- повышение социального статуса ученого, когда на рынке труда высокие рейтинги будут не только у гувернантки или домработницы (как в сегодняшней России), но и программиста или сетевого администратора (как в современных США).

3. Выход на уровень евразийской стратегической модели развития. С этим связывается:

- предельный учет мирового опыта инновационно-модернизационной динамики и национальных возможностей (гибридный «народный автомобиль»);

- высокий уровень государственного управления, когда не только «запускается», но и стимулируется в той или иной мере инновационный процесс;

- сохранение национальной идентичности и традиционных социокультурных ценностей в условиях глобальных трансформаций.

По существу, реализация евразийской модели для России – сочетание механизмов вестернизации и ориентализации, балансирование между интенсивным и экстенсивным типами развития, экофобными и экофильными стереотипами.

Анализ современных социально-экономических и социоприродных систем показывает, что эффективный динамизм связан с управленческими моделями, которые, с одной стороны, воспринимают позитивные элементы вестернизации (преимущественно в экономической и научно-технической сферах); а, с другой стороны, сохраняют, по возможности, национальные стереотипы и традиции.

России второй декады XXI в. жизненно необходимо выйти именно на такой уровень модернизации, ибо традиционная «ресурсная экономика» выявляет свою физическую (природную) и историческую (социокультурную) ограниченность.

Конечно, Россия по-прежнему остается одной из ведущих мировых держав по запасам и производству природных ресурсов, в том числе и энергоносителей. Именно экспорт природных ресурсов обеспечивает в значительной (и решающей) степени национальный экономический динамизм.

Однако примерно к середине XXI в. реализация традиционной ресурсной модели для России может оказаться достаточно

проблематичной. Отметим несколько причин прогностической реальности этой тенденции.

Во-первых, реальное истощение национальных разведанных запасов нефтегазового потенциала. При этом нефтедобывающие компании, стремящиеся воспользоваться конъюнктурой, не слишком активны в разведывании и использовании новых месторождений. Более того, разработка новых крупных ресурсных проектов требует все более существенных предварительных капиталовложений.

Во-вторых, высокие цены на энергоресурсы, особенно на нефть, а также их значительный рост в результате социальных потрясений в ряде нефтедобывающих стран не являются экономическим стимулом для принятия принципиальных политических решений стратегического характера.

В-третьих, завершение эпохи использования традиционного энерго-ресурсного потенциала и переход на альтернативные источники энергии как доминирующая тенденция мирового развития.

К концу XX в. альтернативные источники энергии (гелиоэнергетика, энергия ветра и т. п.) в мировом энергетическом балансе составляли меньше 1 %; больше масштабы использования биомассы и гидроэнергии (около 20 %). Уже, однако, большинство развитых стран (особенно страны ЕС, США) активно реализуют проекты, связанные с переходом на использование альтернативной энергетики. К 2020 г. Китай планирует до 15 % электроэнергии вырабатывать за счет возобновляемых источников. Значительный скачок цен на нефть к началу второй декады XXI в. интенсифицирует тенденцию перехода от традиционной к альтернативной энергетике.

Более того, те страны, которые «впишутся» в эту мировую тенденцию, станут реальными лидерами будущей цивилизации. Напротив, те из них, которые не смогут учесть новые ориентиры развития, вряд ли сохранят свой исторический статус в мировой динамике.

Евразийская модель для России середины XXI в. заключается в том, что российская модернизация должна, с одной стороны, учитывать в полный мере опыт вестернизации, воспринимая ее конструктивное содержание; с другой стороны, предполагается сохранение традиций, отказавшись, однако, от доминанты ресурсной экономики, сочетание ее с альтернативной энергетикой, рационализацией управления национальными социоприродными системами.